

Сибирская Жизнь

Воскресенье, 3-го августа 1903 года.

Александръ Ивановичъ Деспотъ-Зеновичъ.

А. И. Деспотъ-Зеновичъ одинъ изъ числа рѣдкихъ по уму и честности администраторовъ въ Сибири. И Кяхта и Тобольскъ сохраняютъ о немъ самую добрую память. Какъ попалъ онъ на службу въ Сибирь, сибирские чиновники рассказывали такъ: Деспотъ-Зеновичъ находился въ административной ссылке въ Пермь; графъ Муравьевъ-Амурскій, управлявшій Восточной Сибирью, проѣздомъ черезъ Пермь, увидѣвъ здѣсь Деспота-Зеновича, оцѣнилъ его способности и безъ разрѣшенія высшей администраціи увезъ его въ Сибирь на службу; будто бы графъ былъ такой смѣлый и властный государственный человѣкъ. Но оказывается, легенда сибирскихъ чиновниковъ на этотъ разъ преувеличивала смѣлость бывшаго генералъ-губернатора Восточной Сибири, хотя въ другихъ случаяхъ онъ нѣсколько оправдывалъ такую характеристику. Вотъ какъ А. И. самъ рассказывалъ объ этомъ своимъ знакомымъ.

Когда онъ слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ, онъ жилъ въ домѣ своего родственника генерала Тучкова; это былъ большой барскій домъ. Молодой Деспотъ-Зеновичъ увлекался тогда идеями и утопіями Фурье и собиралъ въ своемъ кабинетѣ одинокасиашихъ студентовъ, молодыхъ литераторовъ и будущихъ публицистовъ; на этихъ периодическихъ собраніяхъ бывало иногда до ста человѣкъ гостей. Тутъ поднимались политико-экономическіе вопросы, критиковались русскіе порядки. Подъ влияніемъ споровъ и рѣчей на этихъ собраніяхъ, поддаваясь влеченію своего горячаго темперамента, Деспотъ-Зеновичъ смелъ своимъ гражданскимъ долгомъ раскрыть глаза высшему правительству на истинное положеніе внутреннихъ порядковъ Россіи, предполагая, что относительно этого положенія правительство находится въ совершенномъ невѣдѣніи, вследствие отсутствія гласности. Онъ написалъ одному изъ лицъ высшей администраціи письмо, въ которомъ изобразилъ печальныя условия русской жизни и предложилъ рядъ пунктовъ либеральной программы; по всей вѣроятности его программа не шла далѣе реформъ, которыя осуществлены позднѣе императоромъ Александромъ II, но онъ все таки былъ посланъ въ административную ссылку въ Пермь. Арестъ и ссылка были совершенно съ торопливостью, которая въ наше время показалась бы исключительно. Его взяли въ квартиру и увезли въ томъ легкомъ платьѣ, въ какомъ нашлн, не позволивъ ему дать знать о случившемся его родственнику генералу Тучкову. Въ Пермь его помѣстили на квартиру къ какому-то мѣщанину; домъ былъ двухэтажный, въ верхній этажъ можно было попасть только черезъ нижній, и хозяину было приказано никого не пускать въ верхній, въ которомъ помѣщался узникъ. Дни протекали за днями, а московскіе родственники не могли добиться свидѣній, гдѣ искать потерявшегося юношу. Съ теченіемъ времени мѣщанская семья, въ которой жилъ Деспотъ-Зеновичъ, привыкла къ нему, его приглашали на семейные праздники, и на одномъ изъ этихъ праздниковъ какой-то жалостливый гость предложилъ узнику свои услуги; онъ явился отпривить письмо Деспота-Зеновича въ Москву. Кажется только два мѣсяца спустя послѣ ареста въ Москвѣ, въ Пермь пріѣхалъ камердинеръ генерала Тучкова и привезъ письма отъ родственниковъ, бѣлье, платье и книги. Первое, что сдѣлалъ узникъ,—снять съ себя бѣлье, которое не пережмалъ все время своего одиночества, и къ которому получилъ отращеніе, и бросилъ его въ топившуюся печь.

Проживая изъ Сибири въ Петербургѣ, графъ Муравьевъ-Амурскій посѣтилъ генерала Тучкова въ Москвѣ, и тотъ воспользовался этимъ визитомъ и попросилъ графа похлопотать объ измѣненіи участи пострадавшаго. Графъ Муравьевъ

обѣщалъ и исполнилъ обѣщаніе. Въ Петербургѣ онъ явился къ шефу жандармовъ графу Орлову. Чтобы дать понятіе, какой это опасный человѣкъ, Деспотъ-Зеновичъ, шефъ жандармовъ далъ прочитатъ сибирскому генералъ-губернатору письмо, послужившее поводомъ къ аресту, но и послѣ того Муравьевъ-Амурскій продолжалъ ходатайствовать за опального человѣка; онъ бралъ его на свои поруки и ручался, что подъ его руководствомъ Деспотъ-Зеновичъ не только ничего вреднаго не совершитъ для государства, но будетъ ему очень полезенъ. Деспотъ-Зеновичъ былъ отправленъ въ распоряженіе восточно-сибирскаго генералъ-губернатора и вскорѣ былъ назначенъ кяхтинскимъ градоначальникомъ. Впоследствии, при содѣйствіи графа Муравьева-

на покоѣ, честный администраторъ, но безъ горячаго отношенія къ участи вѣтреннаго края. Въ западно-сибирскихъ рамкахъ тѣсно было такому администратору, какъ Деспотъ-Зеновичъ, который понималъ, что главная задача всякаго администратора заключается въ содѣйствіи гражданскому росту русскаго общества. И самая существенная заслуга Деспота-Зеновича была не въ томъ, что онъ оказалъ просвѣщенію помощь открытіемъ новыхъ учебныхъ заведеній; важнѣе то, что при немъ всякое просвѣдительное начинаніе частнаго лица или частнаго кружка не встрѣчало административнаго противодѣйствія, напротивъ находило въ немъ поддержку. Опытный администраторъ, солидно подготовленный юристъ, свѣтски образованный человѣкъ, Деспотъ-Зеновичъ продолжалъ и на высшихъ занимаемыхъ имъ постахъ интересоваться вопросами литературы, науки и философіи и направленіями русской общественной жизни. Ни одно сколько нибудь замѣчательное явленіе русской литературы, журнальная сенсационная статья или сенсационный переводъ съ иностраннаго, не проходили для него не замѣченными. Про него рассказывали, что, ревизуя губернію, онъ заѣхалъ однажды въ самый глухой городокъ Пельма и просидѣлъ въ немъ два дня, не выходя изъ земской квартиры—онъ читалъ, захваченную съ собою, только что вышедшую въ свѣтъ, „Исторію англійской цивилизаціи“ Бокля и не выѣхалъ изъ Пельма, пока не кончатъ книги. Это былъ студентъ на губернаторскомъ креслѣ.

Деспотъ-Зеновичъ былъ подготовленъ для болѣе широкой дѣятельности, чѣмъ управленіе губерніей; это было во всѣхъ отношеніяхъ государственный человѣкъ. Онъ съ честью могъ бы занимать самыя высшія государственныя должности, и Сибирь сочла бы себя счастливою, еслибы онъ былъ назначенъ ея генералъ-губернаторомъ. Въ сутолкѣ личныхъ человѣческихъ столкновеній и въ бюрократической перепискѣ онъ не чувствовалъ себя робкимъ ученикомъ, онъ смѣло велъ дѣло своего управленія, твердо увѣренный, что на запросы и придиры сверху всегда стужметъ осторожно, со знаніемъ дѣла и съ достоинствомъ отвѣтить. Въ сознаніи превосходства своего ума и знанія жизни онъ не питалъ страха ни передъ властью, ни передъ мнѣніемъ толпы. Въ то время какъ другіе администраторы смотрѣли на мѣстную печать, какъ на явленіе, излишне осложняющее заботы и хлопоты администраціи, Деспотъ-Зеновичъ, въ бытность кяхтинскимъ градоначальникомъ, содѣйствуетъ основанію „Кяхтинскаго справочнаго листка“, который сразу сдѣлался однимъ изъ живыхъ провинціальныхъ листковъ. Когда Деспотъ-Зеновичъ былъ тобольскимъ губернаторомъ, въ Тобольскѣ проживалъ Знаменскій, беззавѣстный въ свое время каррикатуристъ, часто помѣщавшій свои остроумныя карикатуры и въ „Искрѣ“. Нѣсколько злыхъ карикатуръ было имъ набросано и по адресу Деспота-Зеновича, и это не только не разстроило добрыхъ отношеній администратора къ художнику, но Деспотъ-Зеновичъ увезъ собраніе этихъ карикатуръ съ собой въ Петербургъ и впоследствии показывать ихъ своимъ знакомымъ. Естественное, что той части сибирскаго общества, которая одушевлена добрыми намереніями, при Деспотъ-Зеновичѣ жилось легко; это былъ администраторъ, около котораго жизнь не мереть, а закипаетъ.

У Деспота-Зеновича въ тобол. губерніи былъ предшественникъ Арцимовичъ, который старался очистить тобольскую губернію отъ скверныхъ и корыстныхъ чиновниковъ, но конечно вполне очистить не могъ, а такъ какъ общія система управленія не измѣнилась, то въ промежуткѣ между Арцимовичемъ и Деспотомъ-Зеновичемъ въ губернію снова набралось много взлѣтчиковъ и чиновниковъ низкопробной нравственности. Этими людьми было тошно отъ

Александръ Ивановичъ Деспотъ-Зеновичъ.

Амурскаго, Деспотъ-Зеновичу было вѣрено управленіе тобольской губерніей*).

На обоихъ постахъ Деспотъ-Зеновичъ оставилъ яркій слѣдъ своей дѣятельности, въ особенности въ Троицкоаванскѣ и Кяхтѣ, гдѣ онъ пробылъ дольше. Самыми видными памятниками управленія Деспота-Зеновича въ Троицкоаванскѣ остались два учебныхъ заведенія: Троицкоаванская женская гимназія и Алексѣевское реальное училище. Переѣхавшій въ Тобольскъ, казался бы, Деспотъ-Зеновичъ долженъ, заѣхавъ такой обширной губерніей, съ разнообразной природой и разнообразнымъ населеніемъ, достигавшимъ уже тогда до милліона душъ обоого пола, развернуть еще болѣе—силы своего административнаго творчества, но положеніе его въ Тобольскѣ было менѣе благоприятно, чѣмъ въ Кяхтѣ; вѣзбѣе графа Муравьева-Амурскаго, который былъ самъ смѣлый государственный чловѣкъ, и въ своихъ подчиненныхъ цѣлнлъ инициативу, высланный начальникомъ Деспота-Зеновича здѣсь былъ генералъ Хрущовъ, воинъ

* Въ „Вѣст. Евр.“ было рассказано, какъ Деспотъ-Зеновичъ, будучи тобольскимъ губернаторомъ, потребовалъ себѣ какіе-то списки лицъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи и увидѣвъ въ немъ собственное свое имя; онъ долженъ былъ обратиться въ департаментъ полиціи съ просьбой вычеркнуть его имя изъ списка. Въ то доброе старое время, если кто попадалъ въ этотъ списокъ, имя его оставалось тамъ до его смерти и нужно было личное ходатайство, чтобы оно было вычеркнуто; департаментъ не провалявалъ реалій этого списка и не находилъ неудобства отъ такихъ противрѣчій, которыя иногда невольнаго обнаруживались, какъ въ случаѣ съ Деспотъ-Зеновичемъ.

управления Деспота-Зеновича и на него неслась масса доносовъ высшему начальству. Градь доносковъ—это независимый салютъ, которымъ известная часть Сибири сопровождаетъ шаги честнаго и энергичнаго администратора. Можетъ быть они не подѣйствовали бы при другихъ условияхъ, но въ данномъ случаѣ было слабое мѣсто въ польскомъ происхожденіи Деспота-Зеновича. И Сибирь лишилась энергичнаго и просвѣщеннаго администратора. Онъ былъ переведенъ въ Петербургъ членомъ совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Умеръ А. И. въ Крыму въ чинѣ дѣйств. тайн. совѣтника.

Оставаясь въ Петербургѣ до конца службы, Деспотъ-Зеновичъ продолжалъ интересоваться Сибирью, энергически поддерживалъ переписку съ знакомыми сибиряками, и въ случаѣ нужды помогалъ. Ѳдетъ-ли въ Петербургъ депутация отъ ипородческаго племени хлопотать о своихъ нуждахъ или искать защиты, нужно ли устроить молодого человѣка, прѣбывавшаго изъ Сибири, чтобы получить высшее образованіе, поднимается ли въ Сибири какой нибудь вопросъ, нужно ли разрѣшеніе открыть новое училище и т. п., всѣ подобныя ходатайства направлялись къ Деспоту-Зеновичу, какъ къ заступнику за интересы Сибири въ высшихъ петербургскихъ сферахъ. И на этомъ полѣ Деспотъ-Зеновичъ оказалъ нашей окраинѣ многочисленныя неоцѣнимыя услуги. Когда разрѣшался вопросъ о сибирскомъ университетѣ, собственно вопросъ, въ какомъ городѣ строить университетъ, Деспотъ-Зеновича попросили высказать свое мнѣніе, и официальная записка, составленная Деспотомъ для министерства, сильно склонила рѣшеніе въ пользу города Томска *).

Г. П.

На покой.

(Изъ жизни одного учителя).

Степанъ Петровичъ Мохровъ, учитель Шкотовскаго училища, старикъ дѣтъ пятидесяти, сидѣлъ въ своей квартирѣ за большимъ некрашеннымъ столомъ и дѣлалъ на поляхъ тетради какія-то замѣтки. Въ этой тетради у него были записаны учебныя планы предстоящаго года. Цѣлые канікулы посвятивъ онъ на составленіе плана воскресныхъ чтеній, вечернихъ занятій и бесѣдъ съ народомъ... Эта работа была вызвана не циркулярными предписаніями начальства, а личнымъ убѣжденіемъ человѣка, который сознавалъ, что только при систематическомъ подборѣ статей воскреснаго чтенія и бесѣды доставятъ слушателямъ интересъ и принесутъ пользу.

Мохровъ работалъ не спѣша, вдумчиво. Порой онъ оставлялъ перо и, всматриваясь черезъ окно въ синѣвную за селомъ косматую гору, глубоко задумывался; тогда онъ становился неподвижнымъ, точно прислушивался къ чему-то. Но прислушиваться было не къ чему. Ни что не нарушало его тихую работу.

На улицѣ, такъ же какъ и въ его одинокой комнатѣ, было тихо, душно и жарко отъ знойнаго июльскаго солнца.

Черезъ комнату отъ Мохрова, изъ кухни, иногда слышались вздохи старика—это сторожъ жаловался на свое тяжелое одиночество. Мохровъ привыкъ къ этимъ безмолвнымъ жалобамъ добраго старика, когда-то сосланнаго въ Сибирь. Приблизительно часа черезъ три онъ свернулъ

тетрадь и, довольный своею работой, задумался. Ему почему-то вспомнилась его молодость, когда онъ подъ влияніемъ идей шестидесятыхъ годовъ, рѣшилъ посвятить свою жизнь на служеніе народу. Сидя передъ столомъ, на которомъ были разложены книги, брошюры, онъ убабался своимъ воспоминаніями...

Вдругъ на улицѣ, гдѣ-то далеко запылала гармоника, и раздался хриплый, но все еще сильный голосъ. Кто-то пѣлъ грязную, циничную пѣсню,—изъ такихъ, какія часто поются въ тѣхъ уголкахъ Сибири, гдѣ водворяются на жительство отбывшіе каторгу люди.

Мохровъ подошелъ къ окну и высунулъ голову. По улицѣ шли трое. Въ серединѣ шелъ поселенецъ—отъявленный пьяница, отчаянная голова, большой балагуръ и хороший воръ. Въ это время онъ оралъ:

„Мильчика фартовая,
„Ленточка бурдовая“...

приправляя свою пѣсню циничнымъ пригвѣтомъ.

Александръ Михайловичъ Сибиряковъ.
(Въ № 157 „Сиб. Жизнь“).

Санаторія на оз. Шира для учителей и учительницъ Енисейской, Иркутской и Томской губ.

По сторонамъ поселенца шли двое парней. Они не были пьяны, но качались изъ стороны въ сторону, точно этого требовалъ грязный пригвѣтъ. Одинъ изъ парней робко подтаскивалъ поселенцу, другой-же, не имѣя музыкальныхъ способностей, только хмылялся, но оба они спотыкались, мотали головами, чтобы казаться пьяными и такими-же удалыми, какъ ихъ запѣвало... Когда Мохровъ увидѣлъ ихъ выѣтъ съ „Ванькой—Крученымъ“ (такъ звали поселенца мужики), онъ былъ крайне пораженъ: какъ могли эти два славныхъ молодца подружиться съ пьяницей и воромъ?..

Онъ еще разъ взглянулъ въ окно. Его замѣтили идущіе, и оба парня, почти въ одно время, дернули за рваный рукавъ поселенца, сказавъ ему:

— Не пой, Иванъ!.. Степанъ Петровичъ въ окно смотритъ...

— Что!—заоралъ тотъ.—Плевать я хочу на Степана Петровича!.. Вотъ! Онъ громко плюнулъ и прихлопнулъ плевкомъ ногою.

— Мы, братъ, окромя Бога, да пирульника никого не боимся... Никого!

— Тише!—упрашивали парни.—Онъ хороший. Какъ къ товарищу, къ нему ходимъ!

— Чортъ съ нимъ!—не унимался поселенецъ.—А то, что вы читаете съ нимъ книжки, такъ это одна прокламація... Ты самъ видай—что къ чему... Вотъ теперь скажи мнѣ: Ваня, голубчикъ! на тебѣ гривенникъ и прочитай книжку... Ну такъ я бы гривенникъ то взялъ... И-да. Это бы я еще оборудовать... Ну, а ужъ насчетъ „Бобы королевича“... У насъ вонъ тоже въ замкѣ занимается этимъ. А чорта-ли въ немъ, въ томъ чтеніи... Да вотъ, ты слушай...

Парни въ нерѣшительности остановились, не взглянувъ и точно угадавъ мысли другъ друга. Не простившись съ поселенцемъ, они пошли обратно. Теперь они уже не качались и не размахивали руками. Они шли медленно, понуривъ головы, сконфуженные и виноватые.

А Ваня Крученый, пошелъ дальше. Подойдя къ училищу и, взглянувъ въ лицо Мохрова, онъ еще громче, точно вызывая его на бой, продолжалъ свою пѣсню. Эта выходка поселенца, желавшаго оскорбить Мохрова, не произвела никакого дѣйствія. Теперь Мохровъ былъ въ свѣтломъ настроеніи. Онъ былъ польщенъ тѣмъ, что его знакомые парни не хотѣли послѣдовать за этимъ пьяницей.

— Значитъ, не даромъ я ѣмъ хлѣбъ—думалось ему.—Все таки сконфузилъ меня. Значитъ, есть во мнѣ что-то... Мои чтенія, бесѣды—не безтолковая трата времени...

Довольный этимъ, онъ опять сѣлъ за работу. Но вотъ отворилась дверь, и въ комнату вошелъ сторожъ, согнувшись старикъ съ крючковатыми пальцами въ рукахъ, и молча сунулъ на столъ запечатанное письмо.

Степанъ Петровичъ распечаталъ и сталъ читать. „Я, конечно, ничего не имѣю противъ Васъ, писалъ ему, уважаю Вашу сдѣлану, но въ виду того, что всѣ эти жалобы постоянно надѣлаютъ мнѣ и доставляютъ мнѣ большія неприятности, я рѣшилъ... я видите-ли хочу быть съ Вами откровеннѣе. Конечно, всѣ эти жалобы крестьянъ—нелѣпости, но намъ, учителямъ, необходимо всегда прислушиваться къ общественному мнѣнію.

Вы хорошо знаете, что я всегда стою за Васъ и при моихъ посѣщеніяхъ давалъ о Васъ хорошей отзывъ. Крестьяне жалуются, что Вы плохо учите, и ученики плохо ведутъ себя дома. Понятно, сами мужики судить объ этомъ не могутъ, такъ-какъ всѣ они безграмотные, но все-таки долженъ Вамъ сказать, что дымъ безъ огня не бываетъ... Притомъ-же у Васъ тамъ какія-то идеи. Вслѣдъ за этимъ письмомъ ожидайте распоряженій о сдѣлкѣ училища вновь назначенному учителю“.

Прочитавъ это, Мохровъ сначала изумился, поблѣднѣвъ; потомъ удивленіе въ немъ смѣнилось испугомъ. Его наполнила ужасомъ мысль о внезапной отставкѣ. Голова у него закружилась, комната завертѣлась, онъ схватился за тетрадь, которую только-что писалъ, крѣпко сжалъ ее въ дрожащихъ рукахъ, точно видя въ ней спасеніе... Глубоко огорченный, Мохровъ вскочилъ со стула и сталъ ходить по комнатѣ.—Куда-же я теперь? простоналъ онъ. Страшное отчаяніе охватило его и весь онъ казался жалкимъ, беспомощнымъ. Длинные, немного выщипые, волосы падали на его узкія плечи и, смѣшиваясь съ прядями волосъ бороды, опускались на впающую грудь его. Въ его голосѣ, въ чертахъ лица, даже въ манерахъ было замѣтно выраженіе усталости. Это морщинистое, худое лицо, тревожное, скорбное,—свидѣтельствовало о тяжеломъ горѣ, о несбывшихся надеждахъ. Всѣ планы, все счастье его рухнуло сразу, неожиданно.

— Опять переломъ!—заговорилъ онъ шепотомъ—и все это изъ-за этого случая съ Максимъ.

И потонула безконечная вереница воспоминаній въ его измученной памяти. Онъ припомнилъ свое дѣтство—одинокое, горькое; своего

* Мы слышали, что покойный Нафанъ Назаръ Пѣтуховъ, бывший вице-губернаторъ Томск. губ., часть своей службы проходилъ въ тобд. губ. подъ начальствомъ Деспота-Зеновича, имѣлъ намереніе написать біографію Деспота-Зеновича, изд. вѣрныя записки по исторіи Сибири, пріуроченной къ біографіи этого администратора, и уже имъ было написано сорокъ листовъ, но за смертью, постигшей Н. Н.—на въ Тюмени, трудъ остался незаконченнымъ. Разсыпаніе этой рукописи, написанной умнымъ человѣкомъ, лежитъ на обязанности редакціи „Сибирск. Листка“, какъ ближайшей къ Тюмени, гдѣ, вѣроятно, проживаетъ вдова Н. Н. Пѣтухова.

отца, спившагося канцеляриста; вспомнил свое отрочество, школу — всю свою жизнь, и ничего не нашел в ней отрадного, утешительного... Село Отрадное, гдѣ онъ впервые началъ свое учительство; его школа, ученики и дополоучный Макся встали передъ нимъ, какъ живые.

Степанъ Петровичъ, тогда еще двадцатилѣтній юноша, только-что приѣхалъ въ село Отрадное и ревностно принялся за работу. Быстро пролетѣли три года. Здѣсь въ Отрадномъ Степану Петровичу некогда было замѣчать время. Онъ какъ будто отбѣдился отъ всего остального міра и жилъ только школою. Она вдохнула въ него сразу какое-то новое, высокое понятіе о себѣ и о своихъ способностяхъ. Все улыбалось ему тогда ласково, привѣтливо. Тогда онъ былъ молодъ, вся жизнь была открыта передъ нимъ; его ожидало счастливое будущее.

Его интересовали смуглыя лица крестьянскихъ дѣтей, казавшихся ему взрослыми. Онъ видѣлъ, какъ благотворно влияетъ школа на этихъ мальчиковъ, выросшихъ уже съ извѣстными требованиями. Ему жаль было расстаться съ ними, когда они уходили отъ него, окончивъ курсъ ученія. Но они не покидали его совсѣмъ. Они постоянно посѣщали его воскресную школу, вечерніе классы; они бывали у него постоянно. Они жили, сроднились, стали друзьями; онъ смотритъ на различіе ихъ возрастъ. Жизнь казалась ему тогда прекрасной. И онъ работалъ довольный, тихій и радостный. Онъ завелъ кружокъ молодыхъ людей. Они вмѣстѣ читали, разсуждали, спорили. Очень часто бывалъ у Степана Петровича Максимъ Ермаковъ, попросту Макся, какъ его называли товарищи. Мохрову нравился этотъ умный, честный парень. Но одно горе отравило его счастливое существованіе, и съ тѣхъ поръ неудачи полились на него одна за другой.

Это случилось въ одинъ осенній вечеръ. Было девять часовъ. Село Отрадное притихло, окутываемое ночнымъ сумракомъ. Степанъ Петровичъ былъ дома. Отворилась дверь, и на порогѣ появился Макся. Онъ вошелъ взволнованный, нервный и растерянно посмотрѣлъ по сторонамъ; потомъ бросилъ шапку въ уголь и сѣлъ на стоявшій у двери стулъ. Нѣкоторое время они сидѣли молча.

— Въ каталажку хотятъ меня, — вдругъ сказалъ Максимъ.

— Въ волость отправляютъ, да выпоротъ посулились.

Степанъ Петровичъ невольно вздрогнулъ. Мысли пронеслись вихремъ въ его головѣ. Максимъ продолжалъ.

— Сидѣли мы у воротъ училища, когда васъ дома не было. Въ разгудъ, что-ли, вы ходили, сторожъ сказывалъ. На улицѣ тихо было, народъ у кабака шумѣлъ что-то. Только вдругъ засѣдатель вѣдетъ... Мы какъ-то прозвали его и шапокъ не носимали... Видно ужъ больно разсердился онъ. Спрыгнулъ съ фазона, да къ намъ и, не говоря ни слова, багъ меня въ ухо! Такъ и затрясло меня. Никто вѣдъ меня такъ не обидѣлъ. Все ретивое во мнѣ заговорило. Не больно что ударилъ, а такъ горько стало на душѣ... Потомъ онъ и Зобнина по зубамъ. А знаете, какой Зобнинъ, кому хочешь дасть сдачи. Это у него отъ природы. Ребята, которые тутъ были вступились. Крикъ такой поднялся... Народъ изъ кабака повыскачиль, и пошло — поухало!... Ну и подь орѣхъ... Пустили его, а онъ и фазонъ не можетъ найти. Сунули его въ фазонъ, да кто-то крикнулъ на дорогу — „лети, горькій!“

Макся разсказалъ обо всемъ случившемся и вскорѣ вышелъ. Мохровъ остался одинъ.

— Это позоръ! — закричалъ онъ.

Гдѣвъ, обидя потокомъ хлынули въ его душу.

— Человѣкъ съ высшимъ образованіемъ и такъ глумится надъ людьми!

Мохровъ рѣшилъ вступиться за Максю и его товарищей. Онъ придумывалъ громоую рѣчь. „Пойду къ нему и докажу, — говорилъ онъ самъ съ собою, бѣгая по комнатѣ. — Докажу, что это стыдно, безчеловѣчно. Что это позоръ не только для него, но и для того высшего заведенія, гдѣ онъ учился.“

И онъ вдругъ почувствовалъ какую-то странную гордость. Пойти и учить того, кто имѣетъ дипломъ.

— Испортилъ парня, — говорилъ отецъ Максима, — какой-то непереносливый сталъ изъ-за него. Разная тамъ видимость разбираетъ.

На сходѣ мужики шумѣли и кричали: „Смѣнить надо! Потому одна порча. Надо другого“. Мужики составили приговоръ и просили убрать Мохрова, „потому не гоажъ и спать долго, а революцію дѣлаетъ“...

Вскорѣ Максю и его товарищей отвезли въ городъ... Съ тѣхъ поръ прошло 15 лѣтъ, но Мохрову памятенъ дежъ разлуки съ своими деревенскими друзьями. Этотъ день былъ унылый, тревожный и скорбный. Мелкій дождь то перестаетъ, то вновь поидетъ. Степанъ Петровичъ сидитъ у окна, полный грусти и одиночества, а мысли его, точно оторвались отъ него и унеслись куда-то далеко-далеко и безпріятно блуждаютъ за той длинной, извилистой дорогой, по которой отъ него увезли Максю. Не разлука съ Максимомъ собственно мучила его, — страшное, мрачное будущее встало передъ нимъ...

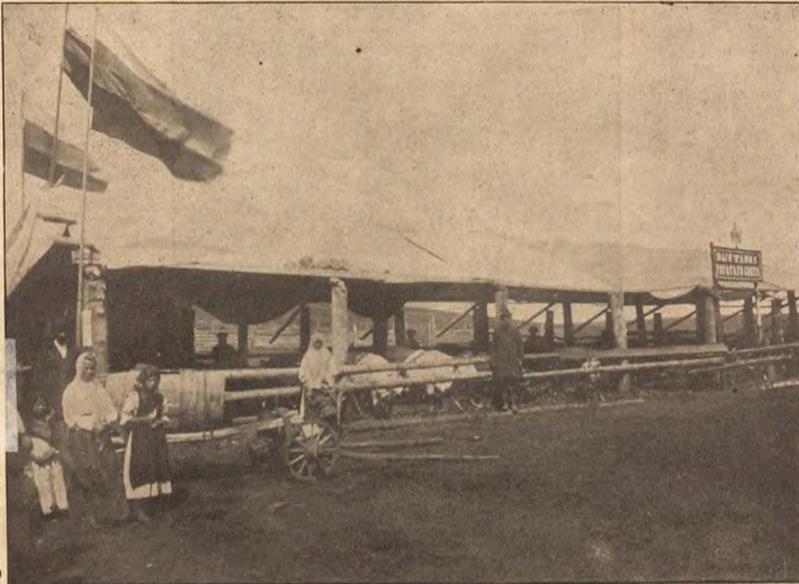
— Что же это за жизнь? думать Мохровъ. На днѣ души его зашевелилась горькая обида за человѣка...

Мохровъ былъ переведенъ въ другое село. Черезъ годъ опять новое мѣсто, и такъ всю свою жизнь онъ бродилъ изъ конца въ конецъ еще совсѣмъ молодой мечтатель, строя планы, угадывая свою новую жизнь на новомъ мѣстѣ, въ незнакомомъ селѣ...

Все это вспомнилъ Степанъ Петровичъ, когда получилъ письмо, сообщившее ему объ отставкѣ. Всѣ эти событія, люди прошли яркимъ видѣніемъ въ его памяти. И многое еще онъ припомнилъ изъ своего прошлаго: голодъ, холодъ, лишения, жалобы священника, писаря...

Двадцать пять лѣтъ прошло этихъ тяжелыхъ испытаній. Каждое утро неизмѣнно онъ вставалъ въ одно опредѣленное время, 25 лѣтъ училъ дѣтей, устраивалъ чтенія, бесѣды, постоянно надѣясь на счастливое будущее. Никакимъ другимъ дѣломъ онъ не хотѣлъ заниматься, кромѣ учительства. Онъ постоянно былъ среди малышей, а черезъ нихъ и самъ сохранился ребенкомъ такимъ же доверчивымъ, честнымъ, правдивымъ. Онъ росли, мужали, старились на его же глазахъ, но онъ какъ будто не замѣчалъ этого. Онъ похоронилъ себя въ школѣ, какъ въ могилѣ. Только сегодня онъ понялъ, какъ коротка жизнь, а онъ еще ничего не сдѣлалъ. Онъ понялъ, что жизнь пролетѣла мимо него, не касаясь. Она сулила такъ много и ничего не дала ему... А какіе у него были широкіе замыслы. Сколько новыхъ перспективъ открывалось ему. Онъ вѣрилъ искренно, горячо въ то, что онъ дѣлалъ. — Когда нибудъ взойдетъ солнце! — думалъ онъ. Эти надежды томили его... Вся его жизнь показалась ему какой-то странной, невѣдомой ея самому, точно это не его жизнь. Она пронеслась предъ нимъ быстро, какъ эхо скорбной пѣсни.

А на улицѣ по прежнему было все тихо, спокойнo. Словою деревня эта была забыта дѣльмамъ свѣтомъ. Эта тишина еще болѣе угнетала его душу. Ему вдругъ захотѣлось крикнуть громко, сильно, чтобы разбудить всѣхъ. Чтобы всѣ видѣли и знали, какъ онъ безжалостно, невинно опозоренъ. Онъ снова схватилъ въ руки письмо и вслухъ прочиталъ его, точно хотѣлъ убѣдиться, не ошибся ли онъ. Мысли его расплылись. Онъ ничего не могъ понять, не зналъ, за что ему ухватиться, чтобы спасти свою жизнь.

Выставка рогатого скота въ с. Алтайскомъ, Байкаго уѣзда.

Корова, получившая на выставкѣ призъ въ 50 рублей.

— А если онъ не извинится передъ Максей, — продолжалъ Мохровъ, — то буду жаловаться исправнику, губернатору... Онъ сѣлъ за столъ и сталъ писать статью въ газету.

— А вдругъ мнѣ не повѣрятъ? смутно мелькнула мысль въ головѣ Мохрова. И въ душѣ его шевельнулось горькое чувство обиды. Имъ овладѣло предчувствіе какого-то страшнаго несчастья, непоправимаго на всю жизнь...

Такъ и случилось. Ему не повѣрили. Статья не была напечатана. Всѣ вооружились противъ Мохрова. Засѣдатель и писарь называли его бездѣльникомъ, вреднымъ человѣкомъ; крестьяне, а въ особенности отецъ Максина, называли его „смутьяномъ, который не учитъ, а съ панталыку сшибаетъ“.

"Къ тому же у васъ тамъ идеи"—повторилъ онъ... Никогда онъ не чувствовалъ такого оскорбленія, какъ теперь.

Глубокое, печальное безмолвіе царило въ его одинокой комнатѣ. Маленькіе старинные часы пробили 10 разъ. Степанъ Петровичъ вздрогнулъ, услышавъ эти, давнo знакомые ему звуки. Онъ вступендуся, проведъ по лицу рукою, ощущая холодный потъ, и долго глядѣлъ въ темное небо.

Звѣзды уже сверкали въ вышинѣ. Гдѣ-то далеко-далеко выдала собака... Старикъ-сторожъ по привычкѣ вошелъ и предложилъ самоваръ.

Мокровъ долго и молча, какъ безумный, смотрѣлъ на старика, и потомъ, бросившись къ нему, зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Вѣротно, старикъ догадался, какое письмо получилъ Степанъ Петровичъ. Онъ давно зналъ, какъ начальство относится къ учителю. Чуткое сердце бездомнаго старика пошло все горе, все несчастіе чловека, похоронившаго свою жизнь въ этой могилѣ... Онъ растерянно поставилъ самоваръ, среди пола и сказалъ:

"А ты еще тетради изъ писаль. И образовался ты значить такой же безпріютный, какъ я бродяга."

Глаза старика замигали. Онъ вытеръ ихъ грязнымъ рукавомъ рубашки и, точно извиняясь въ излишнѣ чувствъ, прибавилъ:

"Вотъ те и планты!.. Алъ Матьеръ."

Выставка рогатаго скота

въ с. Алтайскомъ, Бійск. уѣзъ.

Развитіе молочножирнаго скота въ Западной Сибири выдвинуло на очередь вопросъ по улучшенію мѣстнаго рогатаго скота. Довольно даже обильныя обогрѣванія дали цѣлый рядъ цифръ, указывающихъ на прекрасныя природныя качества мѣстныхъ стадъ, нуждающихся лишь въ лучшемъ уходѣ, кормленіи и отборѣ. Стремленіе наиболѣе зажиточной части населенія (священники, купцы, чиновники) приобрести скотъ изъ Европейской Россіи (ароладки) или заграничныхъ мѣтисовъ (главнымъ образомъ голландки, симентальки) часто обуславливалось полнымъ невѣдѣніемъ касательно изюмчагося у себя матеріала. Иностранная корова, отличаясь красотой формъ, большимъ вѣсомъ, давала обычно много очень жидкаго молока (3—3,5% жира). Съ этимъ мирилась до тѣхъ поръ, пока молоко шло не на молочножирно, для которой вазно не количество молока, а количество жира, принесеннаго въ молоко. Вѣдь вода молока — ненужный балластъ, говорятъ иѣмцы. Но, какъ только стали разсчитывать, сколько пудовъ молока идетъ на 1 пудъ масла, «сибирячка» побѣдила. Такого жирнаго молока нѣтъ въ европейской Россіи, его нѣтъ и на континентѣ Европы. Опъты Каинской казенной фермы при этомъ показали, что,

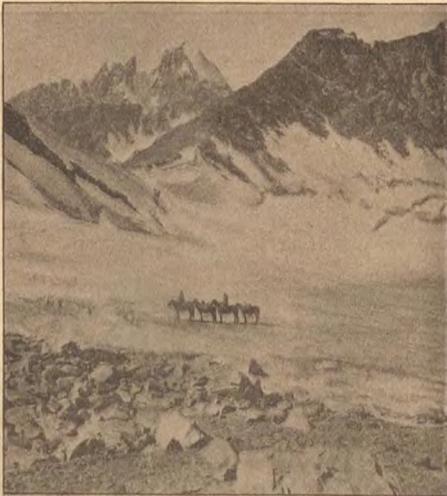
находясь въ лучшихъ условіяхъ содержанія, сибирская корова быстро раздѣивается и въ среднемъ доводитъ удой съ 60 пудовъ (крестьянскій уходъ) до 115 — 130 пудовъ молока въ годъ (фермерскій уходъ). Такимъ образомъ, слѣдовало обратить вниманіе населенія на прекрасныя качества мѣстнаго сибирскаго скота, указать какія требованія надо предъявлять при отборѣ скота. Хорошимъ для этого средствомъ являются мелко-районныя выставки. Поэтому министерство земледѣлія рѣшило въ бійскомъ уѣздѣ, въ предгорьяхъ Алтая, въ текущемъ году устроить, въ видѣ опыта, подобную выставку. Съ 6 по 8 июля такая выставка состоялась. Руководство по ея организаціи и веденію лежало на старшемъ инструкторѣ по с.-х. части бійскаго уѣзда

№ выростъ	Вѣсовыя удой въ фунтахъ.	Содержаніе жира въ %	Абсолютный вѣсъ жира въ фунтахъ.	Число мл. сыворотки отъ фунта.	Среднее число пудовъ молока въ годъ.	Награда.
45	14	6,82	0,955	5 1/3	61	50 рублей.
18	17,8	4,8	0,850	7	60	Большая серебряная медаль.
25	26,4	4,2	1,10	2 1/3	59	Малая серебряная медаль.
1	28,4	3,81	1,08	2 1/3	58	Бронзовая медаль.
41	18,4	4,86	0,894	4	54	Тоже.

Безусловно слѣдуетъ признать, что наблюденія указали на выдающиеся качества выставочнаго скота, нуждающагося лишь въ лучшемъ уходѣ, кормленіи и подборѣ.

Призъ въ 50 рублей присужденъ крестьянину с. Алтайскаго Порфирію Петровичу Черепанову; большая серебряная медаль — крестьянину Тихону Петровичу Шеглову, малая серебряная медаль — крестьянину Андрѣю Александровичу Корчагину.

На будущій годъ, вѣроятно, вновь состоится выставка. Рядъ выставокъ укажетъ населенію, на что нужно обращать вниманіе при выборѣ скота, укажетъ насколько ошибочно стремленіе держать иностранный скотъ (напр. около с. Алтайскаго — голландскій на заимкѣ г. Матквичка), когда подъ руками благодатный матеріалъ, не пораженный туберкулезомъ. — Пожелаемъ же сибирскимъ сельскимъ хозяевамъ успѣха въ этой работѣ. 1. Ок.—чѣ.

Сѣверный склонъ Кураганскаго перевала.

А. Я. Флоренскомъ. Последний организовалъ распорядительный выставочный комитетъ изъ мѣстныхъ жителей, пригласилъ къ участію въ экспертизѣ мѣстныхъ крестьянъ и сельскихъ хозяевъ. Департаментъ земледѣлія на устройство выставки отпустилъ 400 рублей и на награды 250 руб., три сереб. медали, 5 бронзовыхъ и 10 похвальныхъ листовъ.

Населеніе не сразу поняло, что такое выставка, опасалось, что казна переппшетъ коровъ и потомъ отберетъ. Но, мало по малу, дѣло разъяснилось, поняли въ чемъ суть, и 45 коровъ на выставку было доставлено. Экспертиза своихъ рѣшенія основывала, главнымъ образомъ, на результатахъ анализа молока, количествѣ молока, принимая во вниманіе время отъ отела. Для этой цѣли утреннее и вечернее молоко отъ каждой коровы взвѣшивалось и анализировалось помощью аппарата д-ра Гербера. Вотъ нѣкоторыя изъ данныхъ анализа и наблюденій.

Къ рисункамъ.

На Кураганскомъ ледникѣ. Чтобы достигнуть до истоковъ Катунь, необходимо прежде перебраться черезъ Катунскіе бѣлки, черезъ которые существуютъ лишь три перевала. Одинъ изъ этихъ переваловъ — Кураганскій — наиболѣе высокій и трудный, начинается противъ дер. Котанды по долинѣ р. Н. Курагана; близь вершины этой рѣки ледереваляють главный хребтъ и спускаются въ долину р. В. Курагана, которой и приходятъ на Катунь въ 40 в. отъ вершины послѣдняго.

На нашемъ рисункѣ воспроизведенъ сѣверный склонъ Кураганскаго перевала, представляющій изъ себя ледниковоое поле, окруженное со всѣхъ сторонъ пиками и пирамидами Катунскаго хребта. Ледникъ этотъ, небольшихъ размѣровъ, питаетъ рѣку Юлдо, правый притокъ рѣки Н. Курагана, впадающаго въ р. Катунь близь вышеупомянутой Котанды. Кураганскій перевалъ — любопытный, фантастическій уголокъ, гдѣ снѣжныя поля и ледники чередуются съ роскошными коврами яркыхъ альпійскихъ цвѣтовъ. Интересующихся этимъ любопытнымъ уголкомъ отсылаемъ къ книгѣ проф. В. В. Сапожникова „По Алтайю“.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Складъ

ТОЛЬКО ЛУЧШИХЪ

ВЕЛОСИПЕДОВЪ

у П. Рукавишникова.

Томскъ, Духовская, № 3-й.

Вновь открытая,
оборудованная новейшими
аппаратами
ФОТОЦИННОГРАФІА
Принимаетъ заказы на изготовление
МѢДНЫХЪ И ДИАПОВИДНЫХЪ КЛИШЕ
для всевозможныхъ иллюстрацій
и рисунковъ.
Цѣны: отъ 20 коп. за 10 листовъ — на
изготовленіе клише съ рисункомъ перилъ,
каждой изъ страницъ книги и чертежамъ; и
отъ 40 коп. за 10 листовъ — съ рисункомъ
кинока, фотографіи и фотографіи (если
кличе больше 10 листовъ, то платится за
каждый листъ въ 30 коп.).
Слѣдуетъ высказаться по первому требованію.
ИЗДАВАНІЕ ЗАКАЗОВЪ БЫСТРОЕ И АККУРАТНОЕ.
Зналы здравствъ Тонякъ, Фотоцинографъ
П. И. Макушинъ.